

Михайло Туркатенко

Осторожно, aliens в городе

Башня Акбар, Барселона, архит. Ж. Нувель.
Akbar Tower, Barcelona, architect Jean Nouvel.

«Но что я увидел! Как мне это описать?

Громадный, выше домов, треножник, шагавший по молодой сосновой поросли и ломавший на своем пути сосны; машину из блестящего металла, топтавшую вереск; стальные, спускавшиеся с нее тросы; производимый ею грохот, сливавшийся с раскатами грома. Блеснула молния, и треножник четко выступил из мрака; он стоял на одной ноге, две другие повисли в воздухе.

Он исчезал и опять появлялся при новой вспышке молнии уже на сотню ярдов ближе. Можете вы себе представить складной стул, который, покачиваясь, переступает по земле?

Таково было это видение при мимолетных вспышках молнии.

Но вместо стула представьте себе громадную машину, установленную на треножнике».

Герберт Уэллс, «Война миров»

Сегодня, наверное, каждому известен образ «чужого» (alien), нашедший одно из самых ярких своих воплощений в одноименной кинотрилогии режиссера Ридли Скота, где на протяжении многих часов экранного времени абсолютно чуждый всему земному организм крушит все и вся. Но все началось гораздо раньше, в 1898 г., с великой книги Герберта Уэллса «Война миров», блестяще переосмысленной недавно Стивеном Спилбергом и вызвавшей массовую истерию у американцев в свое время (в 1938 г.) из-за трансляции основанной на ней радиопостановки Орсона Уэллса. Уже в ней были заложены основные характеристики «чужих», доведенная Ридли Скотом до своего рода символа – тотальная агрессия по отношению ко всем привычным нам земным формам жизни.

Похоже, что многие, если не большинство, из известных архитекторов XX в. и современности решили по-своему разыграть тему «чужого» в своих проектах и постройках. И если у литературных фантастов этот «чужой» появлялся из глубин космоса, то у архитектурных – из более развитого в технологическом смысле будущего. И уж кто у кого учился или у тех и у других была общая первопричина, сказать трудно. Это тема отдельного психолого-философского исследования. Но результат этих «фантазираний» был и есть один и тот же –

аннигиляция существующего земного мира в целом или по кускам. У литераторов – виртуально, на бумаге или экране, а у архитекторов – к сожалению, в том числе и в реальности. Непосредственным поводом для написания данного текста стало недавнее крайне негативное личное впечатление от открывшейся в 2005 г. в Барселоне башни Акбар (архит. Ж.Нуверль). Но этот образ «архитектурного чужого» начал преследовать меня еще раньше, особенно со времени прошедшей летом 2006 г. в ГМИИ им. Пушкина выставки проектов сэра Нормана Фостера. Там я вдруг поймал себя на мысли, что к искреннему восхищению работами выдающегося архитектора современности примешивается какое-то сосущее чувство то ли беспокойства, то ли подспудного разочарования. И чем дольше я находился на выставке, тем острее становилось это чувство. Попытавшись его проанализировать, я понял, что меня беспокоило – все чудо-макеты, из которых в основном и состояла выставка, можно было не только абсолютно произвольно менять местами в пространстве выставки, но и переставлять с одного подмакетника на любой другой, тем более, что на подмакетниках фактически не содержалось никакой информации об окружающей проекты городской застройке или природном окружении. Для меня стало очевидным, что почти все выставленные объекты представ-

На панораме Барселоны хорошо видно отличие во взаимодействии с городской структурой башни Акбар и собора Саграда Фамилия.

Panorama of Barcelona shows a visible difference in the interaction with the urban structure of the tower Akbar and the Sagrada Familia.

Одно из экранных воплощений образа «чужого».

One of the on-screen incarnations of the image of "alien".

Башня Акбар в окружении строительных лесов, которые добавляют еще больше «чужеродности» к ее облику.

The Akbar Tower surrounded by scaffolding which make it look even more "alien".

Ночное освещение башни Акбар можно принять за огни инопланетного космического корабля.

Night festive lighting of the Akbar tower could almost be mistaken for landing lights of an alien spacecraft.

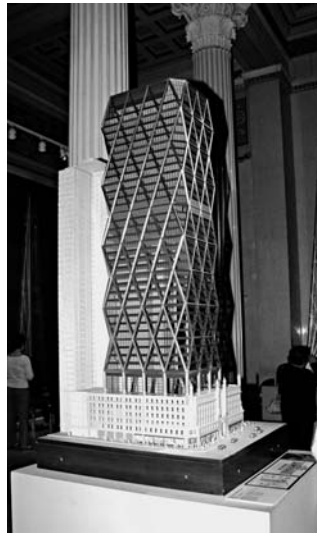

ляли из себя своего рода «вещи в себе», лишённые каких-либо взаимосвязей с окружающим миром. Такое впечатление было вызвано не только их идеальной геометрической формой, но и совершенством конструктивного решения, подчеркивающего эту идеальность формы. Тогда я стал вспоминать реализации Фостера, виденные мною либо воочию, либо на фотографиях. И только укрепился в мысли о том, что и они очень часто представляют из себя «вещи в себе», которые можно совершенно спокойно, без ущерба для них переставлять уже не в пространстве выставки, а в пространстве реальных городов, меняя не только районы, но и сами города.

Но если такие «архитектурные вещи в себе» и можно без ущерба для них переставлять из города в город, то каково этим самым городам, в которых они вдруг появляются? Если судить по Барселоне, то они оказываются там как раз в роли «чужих», что связано в первую очередь не со стилистическими противоречиями, а с разрушением сложившейся городской структуры и несовместимостью масштаба. И особенно это заметно именно в таких горо-

дах, как Барселона, счастливо избежавших деградации планировочной структуры в форме «свободной планировки». Со второй половины XIX в. и до наших дней, после выхода за пределы средневековых стен, город последовательно застраивался в соответствии с ортогональной планировочной сеткой, разработанной инженером Ильдефонса Серда. Это привело к формированию удивительно комфортной городской среды, абсолютно сомасштабной человеку, имеющей четкое пространственное выражение основных структурных элементов нормального города – улиц, площадей, дворов, бульваров, скверов и т.д. – и лишенной рыхлых пространственных дыр, столь характерных для «свободной планировки».

И вдруг в городской структуре возникает огромная дыра – именно к такому результату привело строительство башни Акбар. Правда, формирование всего комплекса сооружений здесь еще не закончено, но по крайней мере сейчас это выглядит как химический ожог от агрессивной чуждой субстанции. И изуродованная городская ткань никак не может вернуться в нормальное здоровое состояние. А

На выставке проектов Н.Фостера,
ГМИИ им. Пушкина,
июль 2006 г.

At the exhibition of N. Foster projects,
GMIИ by Pushkin,
July 2006.

предпосылок для выздоровления что-то и не видно, тем более, что эпицентр ожога – башня, вырастает как бы из-под земли и напроочь лишена такого важнейшего для точечных высотных объектов элемента, как зоны «соприкосновения с землей», где и происходит взаимодействие с прилегающей городской структурой, прежде всего с ее общественно-коммуникационной составляющей.

Что до масштаба, то дело не в абсолютных размерах, тем более что башня не так уж высока, хотя и ощутимо возвышается над окружающей застройкой, а в форме и в отсутствии какой-либо детализации. Я уж не знаю, задумывался ли Нувель о неизбежных ассоциациях, которые возникают в связи с выбранной им формой башни, и уж чем он там собрался мериться с Н.Фостером, но в результате получился гигантский ржаво-бурый обмылок, который к тому же из-за абберрации (а Ж.Нувель, в отличие от строителей Парфенона, явно не отягчал себя мыслью о необходимости исправления оптических искажений) воспринимается оплывшим и кривоватым. А уж если сравнить творение Нувеля, еще и крикливо

загорающееся по праздникам, как новогодняя елка, со строящимся буквально в нескольких кварталах Собором Святого Семейства (Саграда Фамилия) Гауди...

А ведь в городе есть достойные примеры современной застройки, вполне органично вошедшие в его структуру. Хотя бы район Олимпийского порта и Олимпийской деревни, построенные к XXV Олимпийским играм, которые прошли в Барселоне в 1992 г. Здесь были сохранены характерные для города структурные паттерны и масштаб, что и привело в итоге к искомому конструктивному взаимодействию с исторической структурой. Так что не все «чужое», что «новое». По-видимому, это хорошо чувствуют и сами барселонцы. По крайней мере, к району порта и деревни ведут многочисленные экскурсионные маршруты, а к башне – ни одного. А ведь показывают то, чем гордятся. И наоборот. Такой вот нелестный для Нувеля жест.

Вряд ли можно точно сказать, кто первым из архитекторов XX века открыл тему «чужого». Но то, что Ле Корбюзье со своим планом Вуазен и принципом свободной планировки

Проект реконструкции центра Парижа –
«план Вуазен»,
Ле Корбюзье, 1924 г.
The reconstruction project
of the center of Paris – Plan Voisin,
Le Corbusier, 1924.

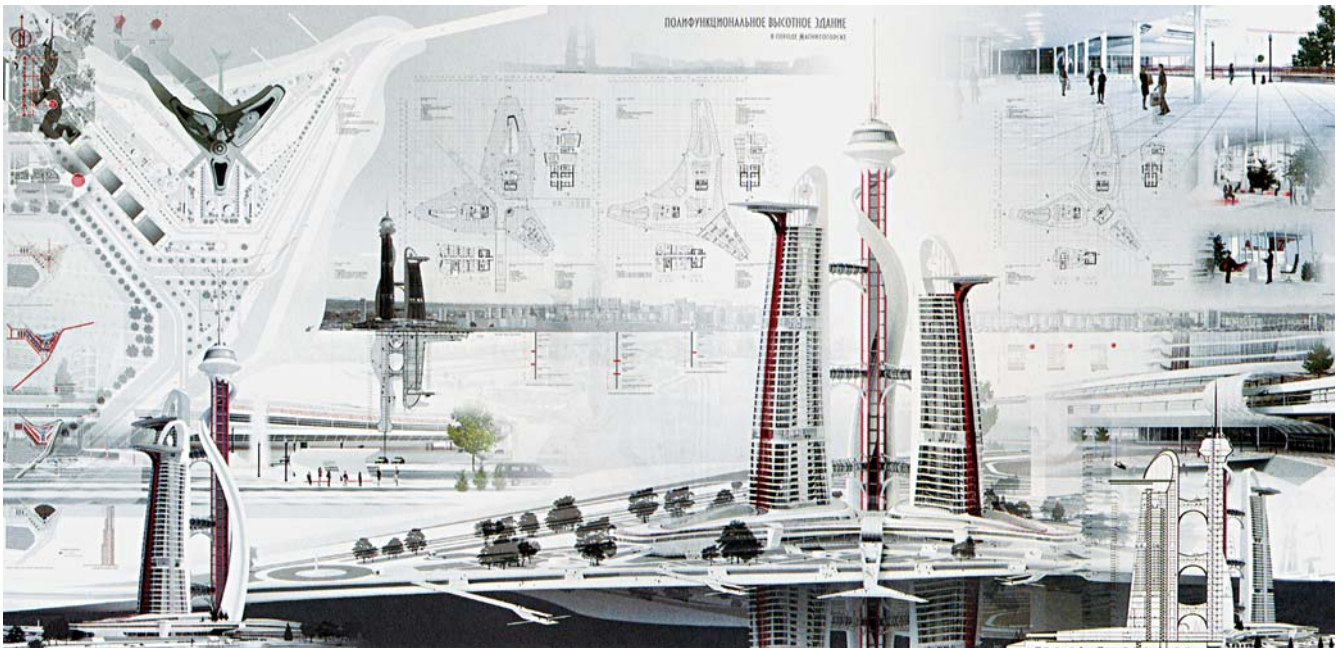
Район Олимпийского порта и Олимпийской деревни,
Барселона.

District of Olympic Port and Olympic Village,
Barcelona.

внес в ее разработку «выдающийся» вклад – очевидно. Вообще, весь модернизм с его отрицанием исторических ценностей и фетишизацией «светлого высокотехнологического будущего» в рамках единой интернациональной архитектуры – это многотомный остроумный роман о «чужих». За что он и был, несмотря на создание целого ряда безусловных шедевров архитектуры, подвергнут заслуженной критике. И вот уже казалось, что настало время средовой архитектуры, архитектуры после модернизма. Ан нет. Роман оказался с продолжением, и «новый модернизм», или, как его еще называл в конце XX в. Чарльз Дженкс, «поздний модернизм» продолжает победный марш по планете. Сформировалась целая группа «архитекторов с мировым именем», имеющих мощные мастерские-фабрики по «выпечке» дежурных «высокотехнологичных архитектурных блюд» в неограниченном количестве и произвольного размера для каждого финансово состоятельного заказчика из любого региона и страны. Такой вот «архитектурный фаст-фуд». Только вот о вреде пищевого фаст-фуда для здоровья, в том числе и на генетическом уровне, уже почему-то задумались, а архитектурный – потребляют как попало, ничуть не думая о генетическом здоровье городов. А эти «архитекторы с мировым именем» прев-

ратились в модных дизайнеров-стилистов, давно забывших об одном из важнейших фундаментальных отличий архитектуры от дизайна – архитектура должна быть территориально контекстуальной. И опять же одним из первых среди них был Ле Корбюзье, который при проектировании Чандигарха на приглашение индийского правительства приехать для знакомства с особенностями территории под строительство и быта индусов достаточно высокомерно ответил, что он и так, сидя у себя в мастерской, прекрасно знает, каким должен быть новый современный город в любом уголке земного шара. Судьба же Чандигарха, кстати, скрупулезно построенного именно по авторскому замыслу, хорошо известна. Сегодня ему вторит Заха Хадид. На вопрос польских журналистов относительно ее проекта для Варшавы – очередного «небоскреба-сосульки», как она учла специфику города (а Варшава, несмотря на практически полное разрушение во время Второй мировой войны – город со своим, очень особенным лицом), ответила, что и не собиралась думать на эту тему и что варшавяне должны гордиться выпавшей им «честью», и это город в будущем должен будет «переформатироваться» под влиянием ее «шедевра». А кто этого не понимает – тот «замшелый ретроград». Вполне понятно, что и Россия не обделена

Дипломный проект «Полифункциональное высотное здание в Магнитогорске»,
авт. М.И.Скурдина, рук. Ю.Г.Барышников, консульт. М.Ю.Сальникова, Магнитогорский государственный технический университет, диплом I степени на XVII
Международном смотре-конкурсе лучших дипломных проектов выпускников архитектурных школ в Самаре, 2008 г.

The graduation project "Mixed-use high-rise building in Magnitogorsk",
M. Skurdina, leader Yu. Baryshnikov, consult. M. Salnikova, Magnitogorsk State Technical University, a diploma of I degree on the XVII International show-contest
of the best graduation projects of graduates of architectural schools in Samara, 2008.

вниманием этих «архитекторов с мировым именем». И их самих нельзя, наверное, осуждать за то, что они настойчиво пытаются осчастливить российские города всякими «апельсинами», «Охта-центрами», «шатрами» и другими «alien's объектами» — мастерские-фабрики требуют загрузки. Но вот почему их так настойчиво продвигают некоторые родные российские девелоперы и чиновники? Вряд ли можно оправдать стремление преодолеть «отсталость» российской архитектуры (если российские поклонники «чужеродной» архитектуры и руководствуются этим соображением) ценой тотального разрушения традиционной городской среды. Хотя закрадывается подозрение, что дело тут не в «отсталости», а в личном интересе. А в этом случае, очевидно, никакой среды не жалко.

К сожалению, можно констатировать, что и многие российские архитекторы на волне моды на «преодоление отсталости» проектируют и строят вполне себе «чужеродные» объекты, нисколько не заботясь о контекстуальности и необходимости сохранения преемственности и целостности городской среды. В результате этого российские города рискуют превратиться в конгломераты изолированных архитектурных анклавов, обтекаемых транспортными магистралями и не имеющих даже намека на традиционное городское пространство, предназна-

ченное для людей. Не говоря уже о сохранении их исторического облика.

И, повторюсь, дело совсем не в стилистике. Не менее чужеродно-разрушительными могут быть и различные псевдоисторические реминисценции. В то же время радикально-современный Центр Помпиду так же историчен, как любой парижский квартал XVIII в. Просто он соответствует масштабу города и характеру его структуры.

А архитектурные вузы страны без тени сомнения продолжают готовить стратегов и тактиков будущих «марсианских вторжений» в российские города. По крайней мере, такое впечатление складывается от знакомства практически со всеми работами, представленными на ежегодных смотрах-конкурсах лучших дипломных проектов. Можно подумать, что они разработаны не для конкретных российских городов со своим обликом и историей, а для какого-то инопланетного города из очередной серии «Звездных войн». И ничего, благополучно получают дипломы смотров, в том числе и самой высокой степени.

Беда-то ведь в том, что «архитектурных чужих» не постигнет судьба уэллсовских марсиан — они не вымрут в одночасье от болезней, вызванных земными вирусами, в данном случае спасительными. С ними придется жить, и если не счастливо, то долго.